

Наталья Н. Аблажей¹ , Альбина С. Жанбосинова^{2*}

¹Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия;

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(*Автор-корреспондент. E-mail: sovetuk@rambler.ru)

Вне системы: как в 1920-е годы в Казахстане создавали категорию «лишенцев»

Статья посвящена анализу политики по ограничению избирательных прав в Киргизской/Казахской автономной республике в ходе выборов кампаний в Советы в 1920-е гг. Тема актуальна в плане изучения процесса модернизации традиционного общества, социальной инженерии и политической дискриминации в контексте советской истории. В центре внимания авторов — проблема взаимоотношений общества и власти в плане создания советской системы и обеспечения ее устойчивости через применение властью дискриминационных мер по отношению к «несоветским» группам населения. Целью исследования является выявление динамики численности и состава групп населения, лишенных избирательных прав. Для изучения советского института лишения избирательных прав использованы нормативно-распорядительные акты союзного, российского и республиканского уровней; отчетное делопроизводство избирательных комиссий различного уровня; электоральная статистика. Значительные документальные комплексы отложились в архивах Казахстана и России, в том числе делопроизводство, касающееся хода и итогов избирательных кампаний. Представлены количественные данные по лишенцам в целом по автономии и отдельным административным единицам. Показано формирование каркаса дискриминационной модели в виде института лишения избирательных прав, позволявшего исключить целые категории населения из политической жизни. Сравнительный анализ опубликованных и необнародованных данных Центризбиркома КАССР и региональных избирательных комиссий позволил установить, что имело место значительное расхождение в данных статистики как в отношении итогов выборов, так и численности лиц, лишенных избирательных прав. Относительные показатели по численности лишенцев, приводимые в статистике, не позволяют установить динамику изменений конкретных цифровых показателей по итогам избирательных кампаний. Тем не менее можно утверждать, что резкий (в три раза) рост лишенцев фиксируется в ходе избирательных кампаний 1926/1927 г. и 1928/1929 г. Установлено, что имело место расширение круга лиц, дискриминированных по политическим основаниям, а также ужесточение правил учета этих категорий населения. На основании анализа инструкций по проведению выборов в Советы сделан вывод о том, что власть автономии была заинтересована в увеличении численности лиц, лишенных избирательных прав, поскольку это позволило взять под контроль избирательный процесс и начать интенсивную советизацию казахского населения.

Ключевые слова: Казахстан, выборы в Советы, избирательная система, традиционное общество, избирательный ценз, институт лишения избирательных прав, лишенцы, дискриминация.

Наталья Н. Аблажей¹, Альбина С. Жанбосинова²

¹Ресей ғылым академиясы Тарих институты Сібір бөлімшесінің жетекшісі ғылыми қызметкері, Новосибирск, Ресей;

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Жүйеден тыс: 1920-жылдары Қазақстанда «сайлау құқығынан айырылғандар» санаты қалай құрылды

Мақала 1920-жылдардағы кеңестерге сайлау науқандары кезінде Қырғыз/Қазақ автономиялық Республикасындағы сайлау құқықтарын шектеу саясатын талдауға арналған. Тақырып кеңес тарихы контекстіндегі дәстүрлі қоғамды модернизациялау, әлеуметтік инженерия және саяси кемсітушілік процесін зерттеу тұрғысынан өзекті. Авторлар кеңестік жүйені құру және биліктің халықтың «кеңестік емес» топтарына қатысты кемсітушілік шараларды қолдануы арқылы оның тұрақтылығын қамтамасыз ету тұрғысынан қоғам мен билік арасындағы қарым-қатынас мәселесіне назар аударған. Зерттеудің мақсаты сайлау құқығынан айырылған халық топтарының саны мен құрамының динамикасын анықтау. Кеңестік сайлау құқығынан айыру институтын зерделеу үшін одақтық, ресейлік және республикалық деңгейлердің нормативтік-өкімдік актілері; әртүрлі деңгейдегі сайлау комиссияларының есептік іс-қағаздары; сайлау статистикасы пайдаланылды. Ресей мен Қазақстанның

архивтерінде, соның ішінде сайлау науқандарының барысы мен қорытындыларына қатысты іс қағаздарын жүргізуде елеулі деректі кешендер жинақталды. Автономия және жекелеген әкімшілік бірліктер бойынша жалпы айырылғандар бойынша сандық деректер ұсынылған. Халықтың барлық санаттарын саяси өмірден алып тастауға мүмкіндік беретін сайлау құқығынан айыру институты түріндегі кемсітушілік моделінің негізін қалыптастыру көрсетілген. КАССР Орталық сайлау комитеті мен өңірлік сайлау комиссияларының жарияланған және жарияланбаған деректерін салыстырмалы талдау сайлау қорытындыларына да, сайлау құқығынан айырылған адамдар санына да қатысты статистика деректерінде айтарлықтай алшақтық болғанын анықтауға мүмкіндік берді. Статистикада келтірілген айырылғандар саны бойынша салыстырмалы көрсеткіштер сайлау науқандарының қорытындылары бойынша нақты цифрлық көрсеткіштердің өзгеру динамикасын белгілеуге мүмкіндік бермейді. Осыған қарамастан, 1926/1927 және 1928/1929-жылдардағы сайлау науқандары кезінде «айырылғандардың» күрт өсуі (үш есе) тіркелді деп айтуға болады. Саяси негіздер бойынша кемсітілген адамдар тобының кеңеюі, сондай-ақ халықтың осы санаттарын есепке алу ережелерінің қатаңдауы орын алғаны анықталды. Кеңестерге сайлау өткізу жөніндегі нұсқаулықтарды талдау негізінде автономия билігі сайлау құқығынан айырылған адамдар санын көбейтуге мүдделі деген қорытындыға келді, өйткені бұл сайлау процесін бақылауға алуға және қазақ халқын қарқынды кеңестендіруді бастауға мүмкіндік берді.

Кілт сөздер: Қазақстан, кеңестерге сайлау, сайлау жүйесі, дәстүрлі қоғам, сайлау цензі, сайлау құқығынан айыру институты, айырылғандар, кемсітушілік.

Natalia N. Ablazhey¹, Albina S. Zhanbossinova²

¹*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

²*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

Outside the System: How the Category of «Deprived» Was Created in Kazakhstan in the 1920s

The article is devoted to the analysis of the policy on restriction of electoral rights in the Kyrgyz/Kazakh Autonomous Republic during the Soviet election campaigns in the 1920s. The topic is relevant in terms of studying the process of modernization of traditional society, social engineering and political discrimination in the context of Soviet history. The authors focus on the problem of the relationship between society and the government in terms of creating the Soviet system and ensuring its sustainability through the use of discriminatory measures by the government against «non-Soviet» groups of the population. The purpose of the study was to identify the dynamics of the number and composition of population groups deprived of voting rights. To study the Soviet institution of disenfranchisement, regulatory and administrative acts of the Union, Russian and republican levels were used; accounting records of election commissions at various levels; electoral statistics. Significant documentary collections have been deposited in the archives of Russia and Kazakhstan, including records related to the course and results of election campaigns. Quantitative data on disenfranchised persons in the autonomy as a whole and in individual administrative units are presented. The article shows the formation of the framework of a discriminatory model in the form of the institution of disenfranchisement, which made it possible to exclude entire categories of the population from political life. A comparative analysis of published and unpublished data from the Central Election Commission of the KASSR and regional election commissions revealed that there was a significant discrepancy in statistical data both regarding election results and the number of persons disenfranchised. The relative figures for the number of deprived persons given in the statistics do not allow us to establish the dynamics of changes in specific digital indicators based on the results of election campaigns. Nevertheless, it can be argued that a sharp (three-fold) increase in the number of disenfranchised persons was recorded during the election campaigns of 1926/1927 and 1928/1929. It was found that there was an expansion of the circle of people discriminated against on political grounds, as well as stricter rules for accounting for these categories of the population. Based on the analysis of the instructions for holding elections to the councils, it was concluded that the autonomy authorities were interested in increasing the number of persons deprived of voting rights, as this allowed them to take control of the electoral process and begin intensive Sovietization of the Kazakh population.

Keywords: Kazakhstan, Council elections, electoral system, traditional society, electoral qualification, institution of disenfranchisement, disenfranchisement, discrimination.

Введение

В годы советской власти была внедрена новая избирательная система, прошедшая путь от «чрезвычайщины» к формальной конституционной норме, равно как и новые избирательные

практики. В 1936 г. избирательная модель кардинально изменилась: выборы стали прямыми и всеобщими, но при этом безальтернативными и носящими символический характер. Актуальность изучения раннесоветской избирательной системы (1918–1936 гг.) обусловлена спецификой избирательного процесса и наличием политической дискриминации в виде лишения избирательных прав. Осмысление роли выборов в Советы для традиционного общества позволяет выйти на проблемы легитимации власти и функционирования избирательных практик в традиционной среде, модернизации по советскому сценарию и трансформации социальной структуры традиционного общества.

Цель данной статьи: на материалах КАССР выявить группы лишенцев и динамику численности лиц, лишенных избирательных прав в 1920-е гг. Для реализации этой цели необходимо рассмотреть советское избирательное законодательство и избирательный процесс как динамичный инструмент ломки традиционного общества, выявить специфику применения избирательного ценза в ходе выборов в местные Советы и оценить масштаб практики лишения избирательных прав в автономии.

Материалы и методы

В настоящее время изучение советского избирательного ценза (лишение прав и поражение в правах) рассматривается историками, во-первых, как инструмент государственной власти, метод политического управления, механизм социального исключения и маркер политического режима; во-вторых, как важный инструмент «социальной инженерии» и стратификации советского общества.

Использование в изучении избирательной системы и электорального процесса методологии и методики из смежных социогуманитарных дисциплин дает широкие дополнительные возможности для выявления специфики исторических процессов. Так, широко известный в юриспруденции концепт «позитивной дискриминации», благодаря Т. Мартину [1], сегодня широко используется историками для анализа противоречий советской национальной политики и вполне оправдан также при изучении советской избирательной системы, в том числе практик лишения избирательных прав и расширения базового электората за счет ранее лишенных права участия в выборах групп населения (кочевое население, женщины, молодежь). Широкие возможности открывает также использование концепций и методов из арсенала политологии: теория функционирования политической системы Д. Истона [2]. Применение авторами этого подхода позволяет интерпретировать создание категории «лишенцев» в КАССР как системный механизм политического регулирования. Лишение избирательных прав выступало не только юридической мерой, но и инструментом, с помощью которого советская власть перераспределяла политический доступ, исключая нежелательные группы и стабилизируя функционирование новой политической системы. Авторы, опираясь на теорию Д. Истона, показывают, как государство формировало границы политического участия и управляло социальными потоками внутри системы. Междисциплинарная методология позволяет существенно расширить возможности для реализации целей конкретно-исторического исследования по тематике раннесоветской избирательной системы и электорального процесса в Советском Казахстане [3]. При написании статьи авторы опирались на историко-сравнительный метод, что дало возможность выявить общие механизмы советской политики и региональные особенности, связанные в том числе с социальной структурой казахского общества. Проблемно-хронологический метод был использован при проведении аналитической работы с материалом, в том числе для последовательного анализа изменений содержания критериев отнесения к «лишенцам», динамики нормативных решений и административных практик. Статистический метод использовался при работе со списками лишенных избирательных прав и сопоставлении процентного соотношения.

Для изучения избирательных кампаний в КАССР в контексте политики центральной власти и выявления специфики применения избирательного ценза при выборах необходимо привлечение широкого круга источников, в т.ч. отложившихся в архивах России и Казахстана. Нами использованы следующие группы источников: 1) нормативно-распорядительные (Конституция РСФСР (1918 и 1925 гг.), решения Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР, Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), ЦИК КАССР по проведению выборов); 2) официальная статистика и отчетность Центризбиркомов и избирательных комиссий о ходе избирательных кампаний. В рамках исследования интерес представляют материалы ВЦИК (Ф.Р-1235) из Государственного архива Российской Федерации, ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б) из Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 17), КазЦИКа (Ф. 5) и Казизбиркома (Ф. 30) из Центрального государственного архива Республики Казахстан. Крайне ценны материалы

Казахского краевого обкома ВКП(б) (Ф. 141, 412), хранящиеся в Архиве Президента РК (АП РК). Из региональных коллекций интерес представляют материалы уездных/областных обкомов и губкомов, хранящиеся в областных государственных архивах Республики Казахстан. Несколько отчетов о первых избирательных кампаниях в Казахстане опубликованы в ряде документальных публикаций и сборниках [4-5].

Результаты

III. Фицпатрик первая подвергла сомнению официальные цифры по количеству лишенцев в СССР, полагая, что они были сознательно занижены, более того, что власти сами точно не знали, сколько их было [6; 295]. Статистика по лишенным прав безусловно нуждается в уточнении на предмет полноты, достоверности и причин резких колебаний в показателях. Лишение прав стало самой массовой формой дискриминации граждан, представлявшей собой систему правовых ограничений во всех базовых и социальных правах, которые носили коллективный характер, потому что распространялись на взрослых членов семьи и имели наследственный характер. Несмотря на то, что лишенные избирательных прав были формально восстановлены в правах с принятием Конституции 1936 г., они не получили полной реабилитации, хотя ее механизм регулируется Законом «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

Конституция РСФСР 1918 г. установила избирательный ценз, основанный на классовом принципе, что лишило часть взрослого населения права избирать и быть избранными. Согласно статьям Конституций РСФСР 1918 и 1925 гг. к лишенным избирательных прав были отнесены семь категорий населения: лица, использовавшие наемный труд; имеющие нетрудовые доходы, в том числе проценты с капитала и пр.; лица, связанные с различными торговыми операциями; служители религиозных культов; лица, ранее служившие в царской администрации, полиции; душевнобольные и осужденные [7]. Начиная с инструкции о выборах, утвержденной декретом ВЦИК 31 августа 1922 г., вводится практика составления списков лишенных избирательных прав [8]. Институт лишенчества, предусматривающий как лишение, так и восстановление в правах, окончательно формируется к выборам 1924/1925 г. Расширение контингента лишенцев имело место на протяжении второй половины 1920-х гг. Процедура восстановления в правах усложнялась и расширялась. Вопрос об административном учете лишенцев обсуждался неоднократно в 1920 — начале 1930-х гг. Наркомат внутренних дел РСФСР настаивал на необходимости учета лишенцев и даже контроля за их передвижением под началом административных отделов при исполкомах советов и органов милиции [9]. И хотя такое решение принято не было и учет лишенцев остался в ведении ЦИК автономий и региональных исполкомов, лишенцы как де-юре, так и де-факто стали массовой подучетной категорией населения.

Выборы в РСФСР регламентировались инструкциями ЦИК СССР и ВЦИК. Для КАССР приоритетом было союзное и российское законодательство, в первую очередь это касалось инструкций ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР о выборах. Тем не менее ЦИК КАССР имел право, основываясь на союзном и республиканском законодательстве, разрабатывать собственные инструкции, которые утверждала Москва. Имеющаяся в нашем распоряжении отчетность избиркомов КАССР за вторую половину 1920-х гг. дает возможность в общих чертах реконструировать динамику численности лишенных избирательных прав, конкретизируя ее за счет отчетов региональных избирательных комиссий.

В рамках избирательной модели, введенной Конституцией 1918 г., в РСФСР прошло восемь избирательных кампаний. Первые общероссийские выборы прошли в 1922 г. На протяжении пяти лет они проводились ежегодно — это избирательные кампании 1922, 1923, 1924, 1925/1926, 1926/1927 гг. Начиная с выборов 1928/1929 гг. их периодичность изменилась: выборы стали проводить раз в два или три года. Выборы 1924 г. проводились в сентябре-ноябре, а после кассации повторно — в марте-мае 1925 г., поэтому эти выборы часто объединяют в единую кампанию 1924/1925 г. Время проведения избирательных кампаний, начиная с кампании 1925/1926 гг., сместилось на позднюю осень и начало зимы, а с выборов 1928/1929 гг. — полностью на зимний период. В первой половине 1930-х гг. прошли две избирательные кампании: 1930/1931 гг. и 1934/1935 г. Конституция 1936 г. кардинально изменила избирательную модель в СССР.

Первые выборы 1922 г. и 1923 г. затронули территорию КАССР частично. В этот период право определения круга лиц, участие которых было нежелательным на выборах, имели местные власти. Эти полномочия были предоставлены регионам и автономиям постановлением Президиума ВЦИК от

8 февраля 1921 г. [10]. На местах сложилась практика составления списков лиц, лишенных гражданских прав. В начале 1920-х гг. главными группами на выборах чаще всего становились открытые противники большевиков из числа представителей оппозиционных партий и лица, участвовавшие в белых армиях и антисоветских восстаниях. При очень низкой явке на выборы, по сути, имело место жесткое административное давление, позволившее большевикам полностью контролировать советы. Тем не менее стратификация группы лиц, лишенных гражданских прав, формально определялась Конституцией. Первая всероссийская Инструкция 31 августа 1922 г. и разъяснения Президиума ВЦИК к ней особо указывали, что в соответствии со ст. 65 Конституции РСФСР, избирательных прав «лишается старая и новая буржуазия», что «классово-трудовой ценз получил конкретное выражение в ст. 64 и 65 Конституции, определяющих категории лиц, пользующихся избирательным правом и не пользующихся таковым» [11]. 10 августа 1922 г. декрет ВЦИК об административной ссылке ввел дополнительную категорию граждан, подлежащую лишению избирательных прав, не предусмотренных ст. 65 Конституции РСФСР. С отсылкой к ст. 23 Конституции ими стали административно высланные [12; 65]. Спустя год, 21 августа 1923 г., действие ст. 65 Конституции было распространено на «представителей дореволюционной и нэпманской буржуазии» [12; 66]. Численность лишенных избирательных прав по РСФСР оценивалась в 1,4–1,3 %. Основными когортами лишенцев стали живущие на нетрудовой доход (ок. 40 %), лишенные прав по суду (19 %) и духовенство (18 %) [13; 7]. На данный момент статистика по количеству лишенцев в КАССР по этим выборам нами не обнаружена.

Выборы в КАССР в 1924 г. проводились на основании инструкции, утвержденной декретом ВЦИК 11 августа 1924 г., которая, как и предшествующая инструкция от 31 августа 1922 г., предусматривала составление списков лиц, лишенных прав. Инструкция в очередной раз конкретизировала перечень лиц, лишаемых прав, в первую очередь т. н. «бывших» [14; 695]. Для региональных инструкций также характерна тенденция к дальнейшей конкретизации и категорированию лишенцев.

Осенью 1924 г. центральная власть анонсировала линию на «оживление советов». Она была направлена на повышение роли местных советов (особенно сельских) в управлении государством и усиление связи партии с беспартийными массами, главным образом крестьянством. Еще до подведения официальных итогов выборов, в самом конце декабря 1924 г., ЦИК СССР фактически их аннулировал и утвердил 16 января 1925 г. новую инструкцию [15; 103–109]. Инструкция значительно усложнила процедуру восстановления в правах. Был расширен и перечень потенциальных лиц, лишенных избирательных прав, в первую очередь за счет расширения категории «бывших», включив в число таковых чиновников и офицеров, служивших при белых армиях и правительствах. Процент участия избирателей по отдельным автономным республикам РСФСР на этих выборах колеблется от 38 до 63 %, по отдельным уездам КАССР — от 28 до 58 %. Хотя руководство автономии и уверяло, что выборы осени 1924 г. прошли на очень высоком уровне, в условиях явки ниже установленного законом порога в 35 % они были аннулированы в Оренбургской, Актюбинской, Кокчетавской, Акмолинской и Кустанайской губерниях КАССР [16; 6]. Несмотря на принятие ВЦИКом инструкций о выборах, оговаривающих регламент составления списков лишенцев и порядок восстановления их в правах, в ряде губерний КАССР, в частности в Актюбинской, губернский избирком издал собственную инструкцию по составлению списков лишенцев и порядку обжалования, что было скорее характерно для избирательного процесса начала 1920-х гг. [17; 33]. КазЦИК в отчетном докладе о выборах 1924 г. и перевыборах 1925 г., характеризуя группы населения автономии, лишенных избирательных прав, особо подчеркивал, что к таковым в автономии отнесены только те, кто лишен избирательных прав на основании Конституции РСФСР.

В ходе подготовки перевыборов, основываясь на инструкции Центризбиркома СССР от 16 января 1925 г. и новой версии Конституции РСФСР, принятой в мае 1925 г., ВЦИК утвердил 13 октября 1925 г. [18; 14, 34] новую инструкцию о выборах. И хотя инструкции ЦИК СССР и ВЦИК оговаривали, что утвержденные категории лиц, лишенных избирательных прав, не могут подлежать расширительному толкованию, тем не менее ЦИКи автономий и регионов получили право разрабатывать и вносить на утверждение собственные инструкции, учитывающие местные особенности и условия. На следующий год эта практика сохранилась, но уже в усеченном виде: регионы и национальные автономные образования получили лишь возможность выработать дополнения к Инструкции ВЦИК. В октябре 1925 г. ЦИК КАССР разработал собственную инструкцию, адаптированную к национальной специфике и местным реалиям.

Предложенная автономией инструкция, одобренная сессией КЦИК в ноябре 1925 г., была аннулирована ВЦИК РСФСР. Основные претензии касались критериев, позволявших отличить в казахском ауле и русской деревне «трудовые хозяйства» от «нетрудовых». Эта ситуация не была уникальной. Казизбирком настаивал на том, что для всей Казакской республики не могут быть установлены единые критерии, позволявшие отделить трудовое хозяйство от нетрудового, потому что имеет место региональная и национальная специфика. В силу этого обстоятельства данный вопрос следовало бы делегировать на места, в ведение низовых аульных и сельских избирательных комиссий, в обязанности которых входило составление списков избирателей и лишенцев [18; 14, 34].

В ситуации, когда выборы в автономии оказались под угрозой срыва, КазЦИК и Казцентризбирком обратились в Москву с просьбой утвердить инструкцию. После повторного рассмотрения в декабре 1925 г. инструкция была одобрена. Согласно ее секретной части, избирательных прав лишались: 1) крупные скотоводы, применяющие наемный труд в целях скупки и перепродажи скота в торгово-промышленных целях или ведущие хозяйство на основе ростовщического ссуживания бедняков скотом; 2) бывшие волостные управители, а также те из бывших волостных управителей и баев, кто имел статус народного судьи; 3) лица казакской и каракалпакской национальностей, пожалованные до революции в звание «личные почетные граждане»; 4) лица, высланные в административном и судебном порядке, на срок высылки; 5) представители религиозного культа (имамы, муфтии и др.). Хотя в отчетности в Москву по лишенцам фигурировали только группы, лишённые таковых в соответствии с Конституцией, отступление от российского регламента зачастую фиксировалось как нарушения. Возникали, в частности, вопросы относительно так называемых «баксы», под которыми понимались на местах «бывшие управители волостей, баи, а также имевшие от царского правительства знаки отличия и награды за усердную службу царскому режиму», а также «лица, получившие почетные звания граждан за верноподданические услуги царскому правительству» [17; 119, 138], на том простом основании, что таких категорий российские инструкции не выделяли. Однако самыми распространенными были нарушения, связанные с включением в число лишенных прав лиц, высланных в судебном или административном порядке, членов семей лиц, лишенных прав, хотя при этом в число «избирателей включались крупные скотоводы, применяющие наемный труд, без каких-либо ограничений» [19; 55].

Тем не менее, несмотря на наличие инструкции ЦИК КАССР, в Москве констатировали, что выборы в КАССР проведены на основе инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. Порядок составления списков лишенцев был различным, но в основном использовались либо старые списки, либо списки, формировавшиеся уже в ходе кампании. Например, в Акмолинской губернии в основу составляемых списков лиц, лишенных избирательных прав, брались материалы месячника проверки [20; 105]. Списки утверждались либо губернскими избирательными комиссиями, либо исполкомами. При составлении списков наблюдались массовые нарушения, особенно в отношении лиц, занимавшихся в прошлом торговой и посреднической деятельностью [20; 113, 117].

Подготовленные КазЦИКом рекомендации для избирательных комиссий показали, что Казизбирком склонялся, основываясь на новой версии Конституции, в пользу восстановления в правах и допуска к выборам лиц, занимавшихся в прошлом торговой и посреднической деятельностью, а также служителей культа, если в данный момент они работали в советских учреждениях и не применяли наемного труда. В отношении лиц, использовавших наемный труд в сельском хозяйстве, если таковой применяется в соответствии с законом и как подсобный, особенно в период уборки урожая, также допускалось участие в выборах. Членов семей «лишенцев» Конституция автоматически не лишала права голоса, но вопрос об их материальной независимости создавал возможность различного толкования конституционной нормы [21; 13]. При этом КазЦИК рекомендовал относить к «крупным скотоводам» не только «лиц, ведущих хозяйство в таких размерах, которые обязательно вызывают эксплуатацию наемной рабочей силы», но и тех скотоводов, размеры хозяйства которых «позволяют им иметь крупные партии сырья или скота на ярмарках», а также «занимающихся караванным извозом». Однозначно рекомендовали лишать прав бывших волостных управителей в казахских районах и баев, занимавших при царском режиме судебские должности, а также лиц, получивших звание «личных почетных граждан» от прежнего режима. Для служителей религиозного культа основанием для лишения избирательных прав была констатация того, что «это профессия и источник существования» [21; 30]. При этом «баксов» (самодельных шаманов), «не приносящих общественного вреда», дискриминации не подвергали. Для категории офицеров и чиновников царской и белой армий основанием для лишения

избирательных прав являлось состояние на учете в органах ОГПУ. Включение ссыльных в число «лишенцев» обосновывалось декретом ВЦИК об административной ссылке от 10 августа 1922 г.

Результаты выборов 1925/1926 г. наиболее полно представлены как в отчетном делопроизводстве, так и статистике, в т. ч. опубликованной. Для этой избирательной кампании характерен самый низкий процент лиц, лишенных избирательных прав. В процентном соотношении от числа избирателей он составил в целом по РСФСР — 1,1 %, в т. ч. в городах — 1,6 %, а в сельской местности — 1 %. Тем не менее в КАССР он оказался существенно выше: в целом по республике — 2,4 %, в т. ч. в городах — 6,3 % (по другим данным — 5,5 и 4,6 %) [16; 1-2]; в сельской местности — 1,1 %. Высокий процент лиц, лишенных избирательных прав в городах [18; 14, 34], власти объяснили тем, что «главная масса нетрудового и социально-чуждого элемента сосредоточена в небольших городах КАССР, являющихся преимущественно торговыми центрами». Несмотря на отсутствие данных по казакскому аулу и крайне низкую явку избирателей, в июльском отчете Казакского ЦИКа в Крайком РКП(б) констатировалось, что «пролетарская демократия», положенная в основу Советской Конституции, «дала право громадной массе взрослого населения 97,6 % пользоваться избирательными правами, а от участия в выборах устранил только нетрудовой и социально-чуждый элемент 2,4 %, который избирательные права мог бы использовать в ущерб интересам трудящихся» [18; 5]. Тем не менее при рассмотрении хода избирательной кампании в Москве не преминули отметить, что в «Казакской автономии в ряде богатых и зажиточных уездов, таких как Павлодарский, Бухтарминский, Кокчетавский уезды, процент лиц, лишенных прав, составляет лишь от 0,4 % до 0,9 %» [22; 48].

Статистика по выборам в РСФСР в избирательную кампанию 1925/1926 гг. показала, что основной категорией лишенцев стали предприниматели, лица, живущие на нетрудовые доходы, торговцы и посредники. В общей численности лиц, лишенных избирательных прав, их доля в сельской местности приближалась к половине, а в городах составила три четверти [20; 22, 24]. В КАССР анализ данных по той же кампании показывает, что больше половины всех «лишенцев» также составили лица, «живущие на нетрудовые доходы», торговцы и духовенство. Тем не менее расхождения по структуре лишенцев могли быть весьма значительными даже в пределах одной губернии. Так, например, в Семипалатинской губернии (без Павлодарского, Бухтарминского и Каркаралинского уездов) из общего числа лишенцев в 3134 чел. их распределение по группам было следующим: предприниматели — 101; живущие на нетрудовые доходы — 732; торговцы и посредники — 472; духовенство — 902; агенты, бывшие полицейские и жандармы — 169; умалишенные и находящиеся под опекой — 312; осужденные судом — 446 чел. При этом в Каркаралинском уезде Семипалатинской губернии при численности лишенцев в 408 чел. доминировали лица, осужденные судом — 250 чел., духовенство — 109 чел., и живущие на нетрудовые доходы — 86 чел. В Павлодарском уезде Семипалатинской области в эту кампанию было отстранено от выборов 590 чел., в тройку лидеров вошли: духовенство — 141, прочие — 92, торговцы и посредники — 84, а в Бухтарминском уезде, где прав лишили 282 чел., доминировали духовенство — 91, живущие на нетрудовые доходы — 64, умалишенные и находящиеся под опекой — 47 чел. В Джетысуйской губернии (без Лепсинского и Талды-Курганского уездов) таковых было 3644 чел.: предприниматели — 40; живущие на нетрудовой доход — 663; торговцы и посредники — 646; духовенство — 777; агенты, бывшие полицейские и жандармы — 1123; умалишенные и находящиеся под опекой — 145; осужденные судом — 250 чел. В Лепсинском уезде, где число лишенцев составило 852 чел., в тройку лидеров вошли живущие на нетрудовые доходы — 199, агенты, бывшие полицейские и жандармы — 180, торговцы и посредники — 175 чел. В Талды-Курганском уезде, где от выборов отстранили 385 чел., абсолютными лидерами стали агенты, бывшие полицейские и жандармы — 233 чел. [19; 108–113]. На данный момент не представляется возможным однозначно ответить на вопрос, чем были обусловлены такие значительные региональные расхождения в структуре лишенцев.

В 1926 г. советские власти перешли от политики мирного сосуществования к планомерному «наступлению на растущие капиталистические элементы города и деревни», что стало предвестником свертывания НЭПа. Выборы 1926/1927 г. это наглядно отразили. К очередным выборам ЦИК СССР подготовил новую инструкцию, опубликованную 28 сентября 1926 г. [23], в которой были обновлены и ужесточены критерии отнесения к категории «лишенцев». Конституция РСФСР 1925 г. лишила избирательных прав лиц, прибегавших в прошлом или прибегающих в данный момент к наемному труду, лиц, живущих на нетрудовые доходы, тех, кто занимался или

занимается в настоящем торговлей, а также «классово-чуждых». Всего в тексте инструкции содержалось определение уже 12 категорий лиц, подлежавших лишению избирательных прав. Также назывались девять групп населения, которые даже при наличии доходов или применении наемного труда таких прав не лишались. Инструкция однозначно требовала недопущения к выборам кулацких, эксплуататорских и прочих нетрудовых групп населения и бывших. В развитие союзной инструкции ВЦИК утвердил 4 октября 1926 г. инструкцию по выборам. Именно российская инструкция включила в число лишенцев «бывших белых», участников «контрреволюционных банд» и членов семей, главы которых лишены прав [24]. В инструкции были введены не только критерии к составлению списков лишенцев, но и прописан сложный алгоритм обжалования лишения прав для каждой из категорий. 4 ноября 1926 г. ВЦИК РСФСР принял инструкцию о порядке обжалования лишения избирательных прав. Процедура стала более сложной, многоступенчатой и длительной по времени, при этом для каждой категории лишенцев были предусмотрены отдельные условия восстановления в правах. Перечень лиц, лишенных избирательных прав, был определен статьей 69 Конституции РСФСР (1925 г.). В этой инструкции был введен обязательный пятилетний трудовой стаж и доказательства лояльности к советской власти. Решения о восстановлении принимали только избиркомы регионального уровня. Для «бывших» из числа ранее служивших в полиции, жандармерии, карательных органах (по факту бывших белогвардейцев), помимо вышеназванных двух условий требовалось постановление Президиума ВЦИК. В феврале 1927 г. Президиум ВЦИК все-таки вернул право рассматривать дела бывших рядовых полицейских и белых офицеров региональным исполкомам [12; 117-118]. Именно решения 1926 г. привели к резкому росту численности лиц, лишенных избирательных прав.

По аналогии с предшествующими выборами власти на местах ждали инструкцию КазЦИКа и разъяснения относительно категорий лиц, подлежащих лишению избирательных прав. Но избирком не успел разработать и утвердить дополнения в инструкцию по проведению выборов в установленные сроки. Только к середине декабря 1926 г. с ВЦИКом были согласованы дополнения, а итоговый циркуляр ЦИК Казахстана принял 27 декабря 1926 г. Рекомендации от КазЦИКа начали поступать на места только с декабря, уже в разгар избирательной кампании, в частности, предварительный вариант циркуляра был обнародован только в середине декабря 1926 г.

Внесенные дополнения и наличие разночтений в инструкциях значительно осложнили работу по составлению списков «лишенцев», поэтому их преимущественно обнародовали уже накануне, а в ряде случаев прямо по ходу выборов. Резкое расширение категорий лиц, лишенных избирательных прав в 1926 г., вызвало волну запросов от местных избирательных комиссий. Главные затруднения касались лиц, живущих на иждивении и иных членов семей лиц, лишенных избирательных прав; земледельцев, нанимающих одного постоянного работника, а также лиц, занимавшихся в прошлом торговыми и посредническими операциями.

При составлении и проверке списков избирателей и лиц, лишенных избирательных прав, в дополнение к общероссийской инструкции ВЦИК, КазЦИК и Казизбирком рекомендовали избирательным комиссиям руководствоваться дополнениями, введенными применительно к Казахстану. К лицам, подлежавшим лишению избирательных прав, были отнесены: 1) лица, «закабаляющие аульное и сельское население путем систематического предоставления ему рабочего и молочного скота, сельскохозяйственных машин и инвентаря»; 2) занимающиеся «снабжением населения деньгами и товарами на кабальных условиях»; 3) аткаминеры, т.е. нелегальные родовые администраторы и посредники в казахском ауле; 4) лица, за плату занимающиеся частным посредничеством во вред интересам бедноты и полупролетарских слоев аула; 5) делдалы [маклер, посредник — с казахского] и прочие аульные торговцы, перекупщики и маклеры; 6) муллы, бывшие и настоящие служители религиозного культа и преподаватели мусульманского вероучения; 7) имамы, ишамы, кальфе, муфтии, члены Духовного управления мусульман (казии и мухтасибии); 8) хазрет, тауба, лица, известные среди казахского населения как «баксы»; 9) волостные управители, избравшиеся на должность в соответствии со «Степным положением» (1891 г.) и «Положением о Туркестанском крае» (1886 г.), в том числе те из них, кто избирался дважды, получал награды, оказывал «верноподданические услуги царизму»; 10) бии, получившие звание «личных почетных граждан» за «верноподданические услуги царизму». Циркуляр КазЦИКа подтвердил необходимость лишения избирательных прав для офицеров и чиновников белых армий, а также руководителей контрреволюционных формирований [25; 113]. В рекомендациях особо оговаривалось, что в Казахстане не лишаются избирательных прав скотоводы, применяющие, по условиям своего

хозяйства, наемный труд в лице одного постоянного работника (пастуха), а также скотоводы, группами (не менее трех хозяйств) применяющие труд не более двух постоянных работников (пастухов) [25; 1,8]. Губисполкомам рекомендовалось составлять секретные сводки о том, как внедрение практики расширения перечня лиц, лишаемых избирательных прав, отразилось на ходе кампании [25; 8]. 11 января 1927 г. был утвержден циркуляр КазЦИК, предписывающий составлять секретные отчеты о выборах по утвержденной схеме.

В ходе начавшейся избирательной кампании повсеместно фиксировался резкий рост числа лиц, лишенных избирательных прав, массовое доноительство, аресты и выселения на период выборов активных участников таласовок (противостояний на родовой почве) по обвинениям о попытках срыва выборов. Отмечались также случаи уголовного преследования лиц, лишенных права участия в выборах, а также массовое оспаривание решений о лишении права голосования.

Общая численность лишенцев КАССР по данным Казизбиркома на выборах 1926/1927 г. составила 4,6 % (или 112 563 чел.) от численности лиц, имевших право избирать. В городах процент лишенцев составил 8,3 (по другим данным — 8,8 % [26]), а в сельской местности — 3,3 % (94 377 чел.) [27; 6-7]. В итоговой сводке Казизбиркома о ходе выборов в автономии констатировалось, что «новый избирательный закон 1926 г. дал конкретную возможность отстранения байства и кулачества от советского строительства». Авторы документа отмечали, что «оттеснение от выборов байско-кулацкого элемента путем лишения избирательных прав создало вполне благоприятные предпосылки для организации советской общественности в ауле и деревне и успешного проведения выборов».

Подтверждают выявленную тенденцию также материалы губернских избирательных комиссий. Например, по Акмолинской губернии удельный вес «лишенцев» в ходе выборов 1926/1927 гг. в целом по губернии поднялся по сельской местности с 0,6 % до 3,3 %, а по городам с 5,3 % до 10,6 %. В абсолютных цифрах это составило на выборах 1925/1926 г. — 4611 чел. (0,9 %), а на выборах 1926/1927 г. — 24 090 чел. (4,1 %). Наибольший прирост лишенцев по сельской местности дал Петропавловский уезд (5 %), а по городам — Акмолинск (22,7 %). Вероятнее всего, причиной стало проведение кампании по массовому лишению избирательных прав рядовых участников антибольшевистского Ишимского восстания 1921 г., в том числе и амнистированных.

Согласно статистике КазЦИКа и Казизбиркома, соотношение лишенцев по городам и сельской местности было следующим: живущие на нетрудовые доходы — 24,9 и 35,8 %; торговцы и посредники — 8,7 и 62,1 %; духовенство — 28 и 47 %; агенты бывшей жандармерии и полиции — 7,7 и 0,4 %; умалишенные — 1,7 и 0,3 %; осужденные — 14,8 и 6,8 %; за пользование избирательным правом в ущерб революции — 1,5 и 0,8 % соответственно. Среди лишенцев доминировали мужчины, но, тем не менее, 10 % таковых составили женщины, причем преимущественно русской национальности. Была предпринята и попытка соотнести численность казахов и русскоязычных среди лиц, лишенных прав. В городах в процентном соотношении казахи к русскоязычным составляли 19 % к 81 %, а в аулах и селах — 54 % к 46 % [18].

Распределение по группам демонстрировало существенное изменение в составе лишенцев. Более 52 % всех лишенцев составили лица, «применявшие наемный труд». В городах почти 85 % относились к категории «торговцев и посредников», а также «членов семей, живущих на иждивении лишенцев» [5]. Появление новой многочисленной когорты лишенных прав привело к тому, что представители духовенства и служителей культа выбыли из тройки «лидеров» по удельному весу «лишенцев». В Актюбинской губернии в сопоставлении с предшествующей избирательной кампанией также наблюдался значительный рост численности лишенцев как в русскоязычных, так и в казахских волостях: в Ново-Алексеевской волости — 27 и 150 чел., в Аккемирской — 9 и 57 чел., в Ащельсайской (Ашесайской) 38 и 128 чел. соответственно. Власти на местах рапортовали об успехах: выявление лишенцев проведено полностью и «никого уже не осталось». Естественно, не обошлось без приписок и манипуляций с цифрами. Так, в одной из волостей Актюбинской губернии власти включили в списки лишенцев всех умерших за прошлый год и всех уехавших за пределы волости [27; 3–69].

Тем не менее признавалось, что имели место как случаи недоучета лишенцев, так и «перегибы палки», «вплоть до массового лишения». Приводились примеры, когда в категорию «лишенцев» в отдельных поселениях и волостях оказывалось до 50 % потенциальных избирателей, в том числе до «50 % членов волысполкомов прежнего созыва», в том числе и руководящий состав. Рекордсменами стали села Самарское Акмолинской губернии (50 %) и Казанское Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской губернии (30 %), несколько сел в Семипалатинской области (30–40 %) и г. Чимбай

(26 %). Прирост доли лиц, лишенных избирательных прав, по городам КАССР в среднем составил около 9–10 %. По десяти волостям Семипалатинского уезда, при среднем показателе роста числа «лишенцев» в 8 раз, минимум составил 1,7 раза, тогда как максимум — 17 раз.

Выборы 1926/1927 гг. наглядно показали, что власть смогла взять под контроль избирательный процесс. Следующие выборы прошли только в 1928/1929 гг., их лозунгом стала борьба с кулачеством и эксплуататорскими элементами. В ходе избирательной кампании 1928/1929 гг. количество лишенцев в КАССР, согласно опубликованным данным, составило 3,7 % [26; 93, 116], что значительно ниже, чем по РСФСР (4,5 %) и по национальным автономиям, входившим в ее состав (3,9 %) [28; 13]. Резкий рост численности лишенцев в середине — второй половине 1920-х гг. привел к резкому увеличению числа жалоб на неправильное лишение прав, и избирательные комиссии захлестнула волна обращений. Протоколы Казизбиркома и КазЦИКа наглядно свидетельствуют о том, что эти инстанции были склонны поддерживать решения нижестоящих инстанций [29]. КазЦИК принял очередную инструкцию о выборах, в которой в очередной раз описывались категории лишенцев. Отказы в восстановлении в правах основывались на статьях данной инструкции. 30 октября 1929 г. Президиум ВЦИК передал учет лишенцев административным органам исполкомов, что подтвердила и инструкция ВЦИК от 20 октября 1930 г., которая предписывала обязательное заведение дела на каждого лишенца, регистрацию и учет. Весной 1930 г. в соответствии с постановлением ВЦИК об устранении нарушений избирательного законодательства в СССР и об упорядочении дел, касающихся избирательных прав граждан, прошла кампания по пересмотру списков лишенцев. В ходе этой кампании руководство автономии было вынуждено признать, что «отчетность по лишенцам не позволяет [точно] утверждать, сколько лишено избирательных прав незаконно» [30; 14]. В одной из докладных записок КазЦИКа есть указание, что учет лишенцев в автономии велся уже с первых выборов, в отличие от учета избирателей, т.к. «ввиду отсутствия учета населения (особенно в городах), число избирателей является приблизительным и вероятно в городах несколько преуменьшенным» [22; 35].

Обсуждение

Историография избирательной системы и кампаний выборов в Советы весьма обширна и многопланова. Изучение раннесоветской избирательной системы имеет значительную историографическую традицию. Первые публикации, посвященные роли партии в формировании аппарата советской власти на местах, появились уже в период формирования советской модели власти. Повышенный интерес к раннему периоду истории советской избирательной системы пришелся сначала на годы «оттепели», а потом на постсоветский период. В рамках данной тематики особый интерес представляла практика лишения избирательных прав в контексте изучения социальной политики и дискриминации [31]. Большинство советских историков оставались в рамках официальной классовой парадигмы и апологетики советской демократии, рассматривая лишение избирательных прав лишь как элемент политики «перевоспитания эксплуататорских классов». Однако уже в перестроечный период произошло признание формального и безальтернативного характера выборов в СССР. В постсоветский период доминирующим подходом к изучению выборов стало рассмотрение их как мобилизационных кампаний и как механизма реализации большевиками политической власти [32]. В историографии сделан ряд важных выводов о наличии в раннесоветской избирательной системе электоральных новаций, важнейшей из которых стал институт лишения избирательных прав, позволивший большевикам ввести особый избирательный ценз, основанный на взаимосвязи социально-экономической и политической составляющих, что кардинально отличало его от иных избирательных ограничений и практик [12, 33]. Среди ведущих специалистов, изучавших и изучающих советский институт лишения прав и внесших существенный вклад в историографию, можно отметить М.С. Саламатову [33], А.И. Лепешкина [34-35], Н. Ивницкого [36]; западных исследователей Э. Кимерлинга [37], Г. Алексопулоса [38], Н. Муан [39], Ш. Фицпатрик [40]; российских исследователей А.И. Добкина, А.П. Килина, Т.М. Смирнову [41], Д.В. Валуева [42], С.А. Красильникова [43-44] и др.

К настоящему времени историками предложен и апробирован алгоритм работы с электоральной статистикой (М.С. Саламатова), протоколами избирательных комиссий по лишению и восстановлению в правах (М.С. Саламатова), списками лиц, не имеющих прав избирать и быть избранными по отдельным городам и местностям, с персональными картотеками и личными делами лишенцев (С.А. Красильников, Т.М. Смирнова, А.П. Килин, А.А. Кожаева, Д.И. Петин и др.).

Установлено, что значительное количество материалов местных избирательных комиссий и личных дел сконцентрировано в региональных архивах, представленных в фондах райисполкомов и горисполкомов, что дает возможность проводить исследование методами кейс-стади, выстроенными на анализе коллективного социального портрета отдельных групп лишенцев, механизмов репрессий и поведенческих стратегий, а также на сопоставлении сельского и городского социума и региональных данных по лишенцам.

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных электоральным процессам в разных регионах СССР, ощущается явный недостаток исследований, анализирующих выборные кампании в национальных республиках и автономиях. При освещении истории становления советской власти в Казахстане в эпицентре анализа оказалась политика модернизации традиционного общества, в т.ч. «советизации аула». Однако предложенная еще во второй половине 1940-х гг. московским историком А. Кучкиным [45-46] концепция «советов для кочевников» как переходная модель советской власти на местах вызвала резкую критику и обвинения в отходе от классовой позиции со стороны казахстанских историков Г.Ф. Дахшлейгера, С. Кенжебаева и др. [47]. В настоящее время казахстанские историки в основном придерживаются парадигмы «малого Октября», построенной на знаменитом высказывании секретаря Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекина, заявившего в декабре 1925 г. о том, что казахи «пропустили Октябрь» и что необходима «советизация аула» и «организация малого казахского Октября». Под этим политическим курсом понималось усиление административного и экономического контроля над жизнью республики, разрушение родовой структуры и традиционного общества. Проблема интеграции и синтеза советской власти и родového общества оказалась в центре внимания И. Огайон [48] в плане изучения уровня лояльности родového социума к советской власти, а также вызовов родовой системы новому социальному порядку.

Вопреки доминирующим историографическим трендам и повышенному интересу к раннесоветской избирательной системе, ее становление и функционирование в Казахской АССР до недавнего времени не стали предметом специального изучения. Несмотря на повышенный интерес казахстанской историографии к истории национального политического движения «Алаш», вне поля зрения оказалась программа учреждения земской модели местного самоуправления, активно обсуждавшаяся политической элитой в связи с введением в июне 1917 г. института волостного и уездного земства. Исследовательский интерес оказался смещен, скорее, на темы, связанные с национально-государственным строительством, коренизацией государственного аппарата и формированием национальной советской элиты [49]. Лишь отдельные моменты становления избирательной системы и избирательного процесса в раннесоветской истории Казахстана получили освещение в научных публикациях правоведов [50] и историков [5], [51-52]. В целом, что касается казахстанской историографии, следует отметить, что работ, посвященных собственно избирательной системе, механизмам и практикам ее функционирования, в том числе институту лишения избирательных прав, практически нет, за исключением исследований, посвященных анализу кампании по «ликвидации крупных баев» [53]. Обзор литературы свидетельствует о том, что на данный момент в зарубежной и казахстанской историографии не выявлена институциональная специфика избирательного процесса, не показано соотношение традиционных и модернистских практик в политической истории Казахстана 1921–1936 гг.

Полученные авторами результаты, основанные на архивных источниках казахстанских и российских архивов, опубликованных статистических изданиях ВЦИК РСФСР, позволяют существенно уточнить представления о механизмах формирования категории лишенцев в КАССР и выявить особенности ее функционирования в региональном контексте. В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных преимущественно на общесоюзных тенденциях или анализе отдельных кейсов, предложенная авторами работа впервые реконструирует динамику численности лишенцев в КАССР в 1920-е годы на основе сопоставления нормативных требований, статистических данных и материалов местных избирательных комиссий. Проведенный анализ показывает, что применение избирательного ценза в КАССР имело выраженную специфику, обусловленную сочетанием традиционной социальной структуры и особенностей административного строительства. В ходе исследования выявлено, что масштабы лишения избирательных прав в автономии были более вариативными, чем в ряде других регионов СССР, а состав лишенцев отличался значительной долей представителей родовой элиты, религиозных деятелей и хозяйственных групп, связанных с кочевым и полукочевым укладом. Авторы считают, что

избирательный ценз в КАССР стал инструментом целенаправленной трансформации традиционного общества, что ранее не получило достаточного освещения в тематической историографии. Кроме того, сопоставление данных по городским и сельским районам выявило асимметрию практики лишения прав: в частности, в городской среде она имела формализованный характер, тогда как в сельской местности зависела от уровня административной организованности и степени интеграции сельского общества, в особенности казахского аула, в советскую систему. Авторы подтверждают мнение исследователей, утверждающих, что лишение избирательных прав — это универсальный инструмент советской политики. В КАССР была представлена гибридная модель, сочетавшая модернизационные и традиционные элементы. Авторский вклад заключается в выявлении региональной специфики института лишения избирательных прав и реконструкции его динамики, что расширяет представления о функционировании советской избирательной модели в национальных регионах на примере КАССР.

Заключение

В ходе анализа электоральной статистики КАССР установлено, что численность лишенцев демонстрировала устойчивый рост, даже с учетом сопоставительных данных по РСФСР, при этом также изменялся социальный состав лиц, лишенных избирательных прав; более детально процентное соотношение показано в разделе «Результаты». Власть автономии была заинтересована в увеличении численности лиц, лишенных избирательных прав, что позволило взять под контроль избирательный процесс на местном уровне и начать советизацию. Авторами выявлены существенные различия между городскими и сельскими районами, отмечены региональные вариации, обусловленные различиями в социально-экономических укладах и степенью глубины советизации. Лишение избирательных прав основывалось на политических и социальных критериях, регулировалось нормативами, установленными на общесоюзном и российском уровнях, а также коррелировалось с учетом национальной специфики автономии. Выделение различных категорий «чуждых» групп, а также поддержание созданной социальной стратификации, выполняло контролирующие и охранные функции. Лишение избирательных прав стало фильтром, разделившим население страны по политическим основаниям на граждан первого и второго сорта. К этому «второсортному» и «чуждому» населению относились различные социальные группы, которым был поставлен запрет на интеграцию в новое общество по причине их патриархальности, религиозности, классовой чуждости, несоветскости. На государственном уровне данные категории оказались объединены понятием «лишенцы», ставшие вскоре «деклассифицированными и социально-чуждыми элементами», фактически исключенными из советского социума.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта по грантовому финансированию Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР26197673 «Избирательные кампании в органы местного самоуправления Казахстана: опыт реализации и электоральные практики (1921–1936 гг.)».

Список литературы

- 1 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. — 642 с.
- 2 Истон Д. Подход к анализу политических систем / Д. Истон // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2015. — № 5. — С. 17–37.
- 3 Мангейм Дж. Политология. Методы исследования / Дж. Мангейм, Р. Рич. — Москва: Издательство «Весь Мир», 1997. — 544 с.
- 4 Сайлаубай Е. Родо — иерархическая структура казахского аула: модус политической и социальной адаптации 1920–1930-е годы. Сборник документов и материалов. — Астана, 2024. — 466 с.
- 5 Аблажей Н. «Ситуация стабильная»: выборы в советы в Акмолинской губернии 1926/1927 года / Н. Аблажей, А. Жанбосинова // Исторический курьер. — 2024. — № 3. — С. 64–91.
- 6 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е гг. / Ш. Фицпатрик. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008 — 168 с.

- 7 Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов: под общ. ред. А.Я. Вышинского. — Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. — 298 с.
- 8 Собрание Узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). — 1922. — № 56. — Ст. 706.
- 9 Саламатова М. Лишение и восстановление в избирательных правах в советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования / М. Саламатова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2015. — № 12 — С. 117–136.
- 10 СУ РСФСР. — 1921. — № 11. — Ст. 72.
- 11 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 164. — Д. 55.
- 12 Саламатова М. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.) / М. Саламатова. — Новосибирск: НГУЭУ, 2016. — 338 с.
- 13 Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. — Москва: Издательство НКВД, 1924. — 172 с.
- 14 СЗ РСФСР. — 1924. — № 71.
- 15 СУ РСФСР. — 1925. — № 6. — Ст. 55.
- 16 Центральный государственный архив (далее — ЦГА РК). — Ф. 5. — Оп. 6. — Д. 40а. — Л. 79.
- 17 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 164. — Д. 58. — Л. 125.
- 18 ЦГА РК. — Ф. 5. — Оп. 7. — Д. 75. — Л. 135.
- 19 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). — Ф. 1235. — Оп. 103. — Д. 72. — Л. 156.
- 20 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 164. — Д. 59. — Л. 178.
- 21 ЦГА РК. — Ф. 5. — Оп. 20. — Д. 53. — Л. 153.
- 22 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 164. — Д. 56. — Л. 148.
- 23 Собрание законов. — 1926. — № 66. — Ст. 500, 501.
- 24 Собрание законов. — 1926. — № 75. — Ст. 577.
- 25 ЦГА РК. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 69. — Л. 179.
- 26 Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. — Москва: Издательство Власть советов при Президиуме ВЦИК. — 1928. — 84 с.
- 27 Архив Президента Республики Казахстан. — Ф. 141. — Оп. 18. — Д. 1023. — Л. 79.
- 28 Бюллетень № 5 Всероссийской Центральной Избирательной Комиссии о результатах выборов в советы на 1 мая 1929 г. — Москва: Изд. Издательство Всероссийской Центр. Избирательной комиссии. — 1929. — 28 с.
- 29 ЦГА РК. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 1299. — Л. 286.
- 30 ГА РФ. — Ф. 1235. — Оп. 141. — Д. 766. — Л. 156.
- 31 Москаленская Д. «Лишенцы» в постсоветской отечественной историографии / Д. Москаленская // Исторический курьер. — 2024. — № 1(33). — С. 139–154.
- 32 Кожаева А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов / А. Кожаев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2024. — № 90. — С. 130–138.
- 33 Саламатова М.С. Трансформация научных подходов в новейшей отечественной историографии к изучению становления советской избирательной системы / М.С. Саламатова // Исторический курьер. — 2025. — № 1(39). — С. 106–135.
- 34 Лепешкин А.И. Советы — власть трудящихся. (1917–1936 гг.) / А.И. Лепешкин. — Москва: Юридическая литература, 1966. — 575 с.
- 35 Лепешкин А.И. Советы за 50 лет / А.И. Лепешкин. — Москва: Юридическая литературы, 1967. — 185 с.
- 36 Ивницкий Н. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса / Н. Ивницкий. — Москва: Наука — 1972. — 360 с.
- 37 Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 / E. Kimerling // In Russian Review — 1982. — Vol. 41, No. 1 — С. 24–46.
- 38 Alexopoulos G. Stalin's outcasts: aliens, citizens, and the Soviet state, 1926–1936 / G. Alexopoulos. — New York: Cornell University Press, 2003. — 243 p.
- 39 Moine N. Peut — on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930 / Moine N. Peut // Le Mouvement Social. — 2001. — № 196 (3). — С. 89–114.
- 40 Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации / Ш. Фицпатрик // Россия и современный мир. — 2003. — № 2. — С. 133–151.
- 41 Смирнов Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы / Т.М. Смирнова. — Москва: Мир истории, 2003. — 296 с.
- 42 Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР: дис. ... канд. ист. наук / Д.В. Валуев. — Смоленск, 2003. — 273 с.
- 43 Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум: Сибирь (1920-е — 1930-е годы): под ред. С.А. Красильникова. — Новосибирск: Сибир. Хронограф, 2004. — 456 с.

- 44 Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917–конец 1930-х годов / С.А. Красильников. — Новосибирск: НГУ, 1998. — 91 с.
- 45 Кучкин А. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) / А. Кучкин // Вопросы истории. — 1946. — № 10. — С. 3–23.
- 46 Кучкин А. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) / А. Кучкин. — Москва: Академия наук СССР, 1962. — 430 с.
- 47 Кенжебаев С. Советы Казахстана в период строительства социализма (1917–1938 гг.) / С. Кенжебаев. — Алма-Ата: Наука, 1969. — 359 с.
- 48 Ohayon I. The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s / I. Ohayon // Central Asian Affairs. — 2016 — Vol. 3, No. 2. — P. 163–191.
- 49 Аманжолова Д. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. / Д. Аманжолова. — Москва: Институт российской истории РАН, 2019 — 490 с.
- 50 Сагинаев М. Историко-правовые аспекты формирования и развития избирательных правоотношений в Республике Казахстан / М. Сагинаев, Н. Таукелов, Л. Нусипова // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. — 2018. — № 2(86). — С. 38–43.
- 51 Аблажей Н. Избирательная кампания и родовое противостояние в Казахской АССР / Н. Аблажей, А. Жанбосинова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2025. — № 70(2). — С. 421–444.
- 52 Изгuttiнов М. К вопросу о итогах перевыборов советов в 1927 году по Казахской АССР / М. Изгuttiнов, Х. Маслов // Gumilyov Journal of History. — 2026. — Т. 154, № 1. — P. 119–137.
- 53 Turlybekova A. Local elections in the Kazakh SSR as an instrument of political mobilization: a regional case of the Pavlodar Irtysh region (1920–1930s) / A. Turlybekova, N. Baigabylov, Ye. Sailaubay // Gumilyov Journal of History. — 2026. — Vol. 154, No. 1. — P. 160–177.

References

- 1 Martin, T. (2011). *Imperiiia «polozhitelnoi deiatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of «positive activity». Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].
- 2 Iston, D. (2015). Podkhod k analizu politicheskikh sistem [An approach to the analysis of political systems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 12. Politicheskie nauki — Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 5, 17–37 [in Russian].
- 3 Mangeim, Dzh., & Rich, R. (1997). *Politologiya. Metody issledovaniia* [Political science. Research methods]. Moscow: Izdatelstvo «Ves Mir» [in Russian].
- 4 Sailaubai, E. (2024). *Rodo — ierarkhicheskaia struktura kazakhskogo ayla: modus politicheskoi i sotsialnoi adaptatsii 1920–1930-e gody. Sbornik dokumentov i materialov* [The clan — hierarchical structure of the Kazakh village: the mode of political and social adaptation of the 1920s–1930s. Collection of documents and materials]. Astana [in Russian].
- 5 Ablazhei, N., & Zhanbosinova, A. (2024). «Situatsiia stabilnaia»: vybory v sovery v Akmolinskoi gubernii 1926/1927 goda [«The situation is stable»: soviet elections in Akmola province in 1926/1927]. *Istoricheskii kurer — Historical Courier*, 3, 64–91 [in Russian].
- 6 Fitspatrik, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm: sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gg.* [Gradual Stalinism: the Social History of Soviet Russia in the 30s]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].
- 7 Vyshinskii, A.Ya. (Eds.). (1940). *Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR (1918–1937): sbornik dokumentov* [Constitutions and constitutional acts of the RSFSR (1918–1937). Collection of documents]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR [in Russian].
- 8 (1922). *Sobranie Uzakonenii RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 56, 706 [in Russian].
- 9 Salamatova, M. (2015). Lishenie i vosstanovlenie v izbiratelnykh pravakh v sovetskoi Rossii (1918–1936 gg.): evoliutsiia pravovogo regulirovaniia [Deprivation and restoration of electoral rights in Soviet Russia (1918–1936): the evolution of legal regulation]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs — Historical and legal problems: a new perspective*, 12, 117–136 [in Russian].
- 10 (1921). *SU RSFSR* [Judicial legalizations of the RSFSR]. — 11. — Art. 72 [in Russian].
- 11 RGASPI [The Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 164. — D. 55 [in Russian].
- 12 Salamatova, M. (2016). *Vybory v Sovetskoi Rossii: zakonodatelstvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: legislation and implementation practice (1918–1936)]. Novosibirsk: NGUEU [in Russian].
- 13 (1924). *Izbitatelnaia kampaniia po RSFSR v 1923 g.* [The election campaign in the RSFSR in 1923]. Moscow: Izdatelstvo NKVD [in Russian].
- 14 (1924). *SZ RSFSR* [Judicial laws of the RSFSR]. 71 [in Russian].
- 15 (1925). *Sobranie Uzakonenii RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR]. — 6. — 55 [in Russian].
- 16 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 5. — Op. 6. — D. 40a. — L. 79 [in Russian].
- 17 RGASPI [The Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 164. — D. 58. — L. 125 [in Russian].

- 18 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 5. — Op. 7. — D. 75. — L. 135 [in Russian].
- 19 GA RF [The State Archive of the Russian Federation]. — F. 1235. — Op. 103. — D. 72. — L. 156 [in Russian].
- 20 RGASPI [The Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 164. — D. 59. — L. 178 [in Russian].
- 21 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 5. — Op. 20. — D. 53. — L. 153 [in Russian].
- 22 RGASPI [The Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 164. — D. 56. — L. 148 [in Russian].
- 23 (1926). *Sobranie zakonov* [Collection of laws]. — No. 66. — Art. 500, 501 [in Russian].
- 24 (1926). *Sobranie zakonov* [Collection of laws]. — No. 75. — Art. 577 [in Russian].
- 25 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 3. — Op. 2. — D. 69. — L. 179 [in Russian].
- 26 (1928). *Vybory v Sovety po RSFSR v 1927 g.* [Elections to the Soviets of the RSFSR in 1927]. Moscow: Izdatelstvo Vlast sovetov pri Prezidiume VTsIK [in Russian].
- 27 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 18. — D. 1023. — L. 79 [in Russian].
- 28 (1929). *Biulleten № 5 Vserossiiskoi Tsentralnoi Izbiratelnoi Komissii o rezultatakh vyborov v sovery na 1 maia 1929 g.* [Bulletin No. 5 of the All-Russian Central Election Commission on the results of the elections to the Soviets on May 1, 1929]. Moscow: Izdatelstvo Vserossiiskoi Tsentralnoi Izbiratelnoi komissii [in Russian].
- 29 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 3. — Op. 2. — D. 1299. — L. 286 [in Russian].
- 30 GA RF [The State Archive of the Russian Federation]. — F. 1235. — Op. 141. — D. 766. — L. 156 [in Russian].
- 31 Moskalenskaia, D. (2024). «Lishentsy» v postsovetsoi otechestvennoi istoriografii [«Lishentsy» in post-Soviet Russian historiography]. *Istoricheskii kurer — Historical Courier*, 1(33), 139–154 [in Russian].
- 32 Kozhaeva, A. (2024). Podkhody i metody k izucheniiu diskriminatsionnoi kampanii «lishenchestva» (1918–1936) v trudakh sovetsskikh i rossiiskikh istorikov i pravovedov [Approaches and methods to the study of the discriminatory campaign of «deprivation» (1918–1936) in the works of Soviet and Russian historians and jurists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia — Bulletin of Tomsk State University. History*, 90, 130–138 [in Russian].
- 33 Salamatova, M.S. (2025). Transformatsiia nauchnykh podkhodov v noveishei otechestvennoi istoriografii k izucheniiu stanovleniia sovetsoi izbiratelnoi sistemy [Transformation of scientific approaches in the latest Russian historiography to the study of the formation of the Soviet electoral system]. *Istoricheskii kurer — Historical Courier*, 1(39), 106–135 [in Russian].
- 34 Lepeshkin, A.I. (1966). *Sovety — vlast trudiashchikhsia (1917–1936 gg.)* [Soviets are the power of the working people. (1917–1936)]. Moscow: Yuridicheskaiia literatura [in Russian].
- 35 Lepeshkin, A.I. (1967). *Sovety za 50 let* [Soviets for 50 years]. Moscow: Yuridicheskaiia literatura [in Russian].
- 36 Ivinskii, N. (1972). *Klassovaia borba v derevne i likvidatsiia kulachestva kak klassa* [The class struggle in the countryside and the elimination of the Kulaks as a class]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 37 Kimerling, E. (1982). Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936. *In Russian Review*, 41(1), 24–46.
- 38 Alexopoulos, G. (2003). *Stalin's outcasts: aliens, citizens, and the Soviet state, 1926–1936*. New York: Cornell University Press.
- 39 Moine, N. (2001). Peut-on être pauvre sans être un prolétaire? La privation de droits civiques dans un quartier de Moscou au tournant des années 1920–1930. *Le Mouvement Social*, 196(3), 89–114.
- 40 Fitspatrik, Sh. (2003). «Pripisyvanie k klassu» kak sistema sotsialnoi identifikatsii [Class attribution as a system of social identification]. *Rossia i sovremennyi mir — Russia and the Modern World*, 2, 133–151 [in Russian].
- 41 Smirnova, T.M. (2003). «Byvshie liudi» Sovetskoi Rossii: strategii vyzhivaniia i puti integratsii. 1917–1936 gody [Former people of Soviet Russia: survival strategies and ways of integration 1917–1936]. Moscow: Mir istorii [in Russian].
- 42 Valuev, D.V. (2003). Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnoshenii (1918–1936 gg.): na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR [The deprived in the system of social relations (1918–1936): based on the materials of the Western region of the RSFSR]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Smolensk [in Russian].
- 43 Krasilnikov, S.A. (Eds.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium: Sibir (1920-e — 1930-e gody)* [Marginals in society. Marginals as society: Siberia (1920s–1930s)]. Novosibirsk: Sibir. Khronograf [in Russian].
- 44 Krasilnikov, S.A. (1998). *Na izlomakh sotsialnoi struktury. Marginaly v poslerevoliutsionnom rossiiskom obshchestve, 1917–konets 1930-kh godov* [On the fractures of the social structure. Marginals in Post-Revolutionary Russian Society, 1917–late 1930s]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 45 Kuchkin, A. (1946). *Sovetizatsiia kazakhskogo ayla (1926–1929 gg.)* [Sovietization of the Kazakh village (1926–1929)]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 10, 3–23 [in Russian].
- 46 Kuchkin, A. (1962). *Sovetizatsiia kazakhskogo ayla (1926–1929 gg.)* [Sovietization of the Kazakh village (1926–1929)]. Moscow: Akademiia nauk SSSR [in Russian].
- 47 Kenzhebaev, S. (1969). *Sovety Kazakhstana v period stroitelstva sotsializma (1917–1938 gg.)* [The Soviets of Kazakhstan during the construction of socialism (1917–1938)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 48 Ohayon, I. (2016). The Soviet State and Lineage Societies: Doctrine, Local Interactions, and Political Hybridization in Kazakhstan and Kirghizia During the 1920s and 1930s. *Central Asian Affairs*, 3(2), 163–191.
- 49 Amanzholova, D. (2019). *Sovetskii proekt v Kazakhstane: vlast i etnichnost. 1920–1930-e gg.* [The Soviet Project in Kazakhstan: Power and Ethnicity in the 1920s and 1930s.]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN [in Russian].

50 Saginaev, M., Tauekelov, N., & Nusipova, L. (2018). Istoriko-pravovye aspekty formirovaniia i razvitiia izbiratelnykh pravootnoshenii v Respublike Kazakhstan [Historical and legal aspects of the formation and development of electoral legal relations in the Republic of Kazakhstan]. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 2(86), 38–43 [in Russian].

51 Ablazhei, N., & Zhanbosinova, A. (2025). Izbiratelnaia kampaniia i rodovoe protivostoianie v Kazakhskoi ASSR [The election campaign and the tribal confrontation in the Kazakh ASSR]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia — Bulletin of St. Petersburg University. Historical*, 70(2), 421–444 [in Russian].

52 Izguttinov, M., & Maslov, Kh. (2026). K voprosu o itogakh perevyborov sovetov v 1927 godu po Kazakhskoi ASSR [On the issue of the results of the re-election of Soviets in 1927 in the Kazakh ASSR]. *Gumilyov Journal of History*, 154, 1, 119–137 [in Russian].

53 Turlybekova, A., Baigabylov, N., & Sailaubay, Ye. (2026). Local elections in the Kazakh SSR as an instrument of political mobilization: a regional case of the Pavlodar Irtys region (1920–1930s). *Gumilyov Journal of history*, 154(1), 160–177.

Сведения об авторах

Наталья Н. Аблажей — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Альбина С. Жанбосинова (*автор-корреспондент*) — доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru; skna17talya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Авторлар туралы мәліметтер

Наталья Н. Аблажей — тарих ғылымдарының докторы, Ресей ғылым академиясы Тарих институты Сібір бөлімшесінің жетекші ғылыми қызметкері, Новосибирск, Ресей, e-mail: ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Альбина С. Жанбосинова (*хат-хабарға жауапты автор*) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru; skna17talya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Author Information

Natalia N. Ablazhey — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Albina S. Zhanbossinova (*corresponding author*) — Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru; skna17talya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Conflicts of Interest. The authors declare no conflict of interest / **Конфликт интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / **Мүдделер қақтығысы.** Авторлар мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді.